Михайловская, Л. Л. [Рецензия] / Л. Л. Михайловская // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 324 – 328. — Мечысловас Ючас. Грунвальдская бітва. Вільня; Беласток, 2010.

МЕЧЫСЛОВАС ЮЧАС. Грунвальдская бітва. Вільня : Інстытут беларусістыкі; Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства. 2010. 243 **с.**

В обширном историографическом комплексе, посвященном Грюнвальдской битве, исследования М. Ючаса занимают заметное место. Поводом для написания данной рецензии стало издание его монографии «Грюнвальдская битва» в переводе на белорусский язык, что само по себе является знаковым фактом. Во-первых, он свидетельствует о всплеске интереса белорусской общественности к отечественной истории; во-вторых — о формировании самостоятельной историографической позиции в научных кругах [1].

Грюнвальдскую битву М. Ючас относит к событиям, которые становятся легендами и существуют в духовной жизни народа, поддерживая его историческую память и национальное самосознание. Именно память о Грюнвальдской победе вызвала появление «Конрада Валленрода» и «Крестоносцев».

Грюнвальдская битва, как отмечает автор, была событием европейского значения, которое изменило геополитическую ситуацию в регионе и затронуло судьбы многих восточноевропейских народов, став символом их общей истории. Наконец, Грюнвальдская битва символизировала конец эпохи крестовых походов, и в том числе и конец агрессии Тевтонского ордена в Прибалтике. Это отмечается большинством исследователей. Вместе с тем В. Урбан, автор новейшей монографии, посвященной истории Тевтонского ордена, считает, что «эта битва... получила известность, превосходящую ее подлинное значение». Более значимым по своим последствиям он считает сражение при Сауле (1236), которое привело к ликвидации ордена Меченосцев и его трансформации в филиал Тевтонского ордена в Ливонии [7, с. 9, 20].

Во введении подчеркивается, что интерес к грюнвальдской теме проявлялся в разные периоды с разной степенью интенсивности, но никогда не исчезал полностью. При этом усиленное внимание к Грюнвальдской битве всегда проявлялось в моменты обострения межнациональных и межгосударственных отношений в регионе. Такая ситуация сложилась и после распада СССР, когда, по выражению белорусского публициста И. Литвина, развернулась «приватизация грюнвальдской победы» [2, с. 65, 82].

Вместе с тем уже с XV в. в исторической литературе, посвященной Грюнвальду, нет единого мнения, что обусловило специальный историографический раздел монографии. Все «грюнвальдские исследования» (опять же с XV в.) окрашены в национальные цвета, и автор справедливо рассматривает их по месту происхождения. Важность историографического аспекта определяется тем, что практически все источники, содержащие известия о Грюнвальдской битве, известны и изучены, поэтому главная задача исследователей состоит в их объективной интерпретации, что все историки делают по-разному. В польской, литовской, русской, немецкой историографии нередко выражаются полярные точки зрения и оценки, присутствует политический компонент.

Самое мощное течение представлено польскими историками — С. Куйотом, О. Ласковским, Г. Ловмяньским, С. Хербстом, В. Маевским, З. Новаком, А. Грабским, М. Бискупом, А. Надольским, С. Кучинским. В интерпретации ряда фактов польская историография противопоставлена литовской, русской и немецкой. Литовская — соответственно польской, немецкой и русской. Литовские историки (С. Заскявичюс, Великис, О. Урбонас, З. Ивинскис, С. Юргела) создали свою национальную концепцию роли Литвы в отношениях с Тевтонским орденом вообще и в Грюнвальдской битве в частности. Обращает на себя внимание тот факт, что литовские исследователи вместо Грюнвальда предпочитают оперировать топонимом «Жальгирис», который не встречается в источниках и является буквальным переводом с немецкого. Автор рецензируемой монографии М. Ючас является признанным мэтром «Грюнвальдских исследований» в Литве.

Работы белорусских историков (Ю. Бохана, А. Дерновича, Г. Сагановича, Р. Гагуа),

появившиеся сравнительно недавно, еще не сложились в самостоятельное направление и отчасти примыкают к оценкам польских, отчасти литовских историков. Впрочем, фундаментальные разработки источников и исчерпывающий анализ историографии, опубликованные Р. Гагуа, создают хорошую перспективу для дальнейших исследований [3].

Как считает М. Ючас, грюнвальдская тема остается традицией в исследованиях немецких ученых (И. Фойгт, М. Ойлер, М. Гельман, М. Бookман). Подробно характеризуя их, автор подчеркивает, что «в отношении польской историографии они ограничиваются только критическими замечаниями», что отражает и позицию и самого Ючаса относительно работ немецких историков. В частности, он упрекает их в идеализации миссионерской деятельности Ордена, в односторонней оценке немецкой колонизации, в трактовке Грюнвальдской битвы как столкновения язычества и христианства, в то время как воюющие стороны (Польша, большая часть земель ВКЛ) приняли христианство задолго до конфликта. Особое место среди немецких ученых автор отводит работам С. Экдаля, которые отличаются высоким научным уровнем и новым подходом к оценке источников.

Характеристика русскоязычной литературы в монографии М. Ючаса крайне поверхностна. В ней отмечено лишь стремление историков-славянофилов (Н. Антоновича и А. Барбашева) «раздуть значение русских полков, особенно смоленского» [4, с. 12]. Эта тенденция не исчерпывает исследования российских ученых. Среди них несомненно большего внимания заслуживают труды В.Пашуто, В. Королюка, Б. Флори.

Несмотря на то, что грюнвальдская тема присутствует в историографии уже несколько столетий, предметом дискуссий являются одни и те же вопросы, которые доминируют и в рецензируемой монографии: кто фактически командовал сражением — Ягайло или Витовт; кто решил его исход — смоленские полки, литовская конница или польский резерв? В исторических работах этот вопрос решается в зависимости от национальной принадлежности авторов. Так, М. Ючас упрекает в необъективности польского исследователя С. М. Кучиньского, который преувеличивал роль польского войска в битве, при этом считал Витовта «вассалом Ягайло, который не имел права на самостоятельные действия в сражении» и таким образом «завел все польские исследования Грюнвальдской битвы в тупик» [4, с. 18, 21]. Точка зрения С. М. Кучиньского, по мнению М. Ючаса, отражает «антилитовскую» позицию Яна Длугоша, который являлся ярым противником Ягеллонов и унии с ВКЛ, что прослеживается по всему тексту его труда.

Анализу источников и источниковедческих исследований посвящен третий раздел работы. Первое место среди источников автор отводит «Хронике конфликта». Тенденциозность изложения Яна Длугоша позволяет разместить его «Анналы» на втором месте. Польской тенденции, по мнению М. Ючаса, противостоит литовская позиция, отраженная в Хронике Быховца. Оба произведения, как утверждает автор, написаны в «духе средневекового национализма» [4, с. 41]. Большой интерес представляет характеристика актового и дипломатического материала, который возник до или после битвы и имеет прямое отношение к ее причинам и последствиям. Это дипломатическая переписка, договоры с Орденом, материалы судебных процессов между Польшей, Литвой и Орденом при посредничестве Люксембургов, а также документы Констанцского собора.

В первой главе монографии — «Причины Грюнвальдской битвы» автор обращается к истории возникновения Тевтонского ордена, обстоятельствам его появления и утверждения на Балтике. Конкретизируя статус государства, основанного крестоносцами на территории Пруссии, М. Ючас подчеркивает его колониальный характер и ленную зависимость от Священной Римской империи, которая в трудные периоды существования Ордена поддерживала его как своего вассала. На наш взгляд, это уточнение очень существенно. Именно ресурсы Империи, а не «всей католической Европы», что нередко встречается в работах советских историков, были источником могущества Ордена.

В центре изложения — «Тысячелетний конфликт литовцев с крестоносцами». Такое название параграфа подчеркивает роль Литвы в расширении орденской экспансии в регионе. Земли Литвы, точнее Жемайтии, действительно имели особое значение для Ордена. Попытка ее подчинения рыцарями ордена Меченосцев закончилась их разгромом при Сауле (1236) и инкорпорацией в состав Тевтонского ордена (1237). Непокоренная Жемайтия препятствовала слиянию Прусской части ордена с его филиалом в Ливонии. Именно это обстоятельство вызывало частые нападения крестоносцев на земли ВКЛ и именно поэтому Петр Дусбург под 1283 г. отметил: «Окончена Прусская война. Начинается Литовская война» [5, с. 138]. В ходе этой войны перед Литвой стояла реальная угроза повторить судьбу Пруссии.

Мнение М. Ючаса о том, что Великая война началась из-за Жемайтии, представляется верным, тем более, что его поддерживают и польские историки (Х. Ловмяньский). Польский хронист Б. Ваповский, полемизируя с Я. Длугошем, утверждает, что «причиной кровавой войны было возвращение Литве Жемайтии» [8, t. I, s. 178]. Косвенным образом значение Жемайтии для Ордена подтверждают условия Раценжского договора (1404), в соответствии с которыми состоялся своеобразный размен: Орден сохранил Жемайтию, но вернул Польше (за выкуп) Добжинскую землю. С этого момента вопрос о принадлежности Жемайтии резко обострился, а восстание жемайтов стало поводом к войне. Предлогом для активных действий Ордена в этом регионе было распространение христианства. Однако крещение Литвы, как отмечает автор, состоялось не благодаря, а вопреки действиям Ордена.

При этом следует подчеркнуть, что агрессия Ордена в земли ВКЛ не исключала противоречий между Орденом и Польшей, несмотря на то что Польша являлась христианским государством и ленником папского престола. Тевтонский орден как вассал Священной Римской империи был призван обеспечивать ее геополитические интересы, направленные на расширение территорий и сфер политического влияния. Так в 1041 г. ее вассалом стала христианская Чехия. В 1181 г. Империя отторгла от Польши Западное Поморье, превратив его в вассальное герцогство, а по Калишскому договору (1343) — и Восточное. Отрезанная от моря Польша не могла развиваться как полноценный экономический организм и самостоятельная политическая структура. Обещание вступавшего на польский трон Ягайло вернуть ей утраченные земли фактически означало войну.

Анализируя ситуацию, приведшую к войне, М. Ючас отмечает внешнеполитические просчеты польских князей, дважды допустивших непоправимые ошибки. Это произошло в 1226 г., когда Тевтонский орден был приглашен на польские земли для подчинения прусских язычников, и в 1343 г., когда по Калишскому договору Польша отказалась от Поморья, что позволило ей беспрепятственно осуществлять собственную экспансию в Галицко-Волынские земли. Отметим, что аналогичное продвижение в северо-восточные и северо-западные русские земли проводила и Литва, особенно активно при Ольгерде, что привело к территориальному расширению и укреплению ее позиций в Восточной Европе.

Одним из актов польской экспансии стало и заключение Кревской унии. Определяющим фактором М. Ючас считает не орденскую угрозу (что нередко абсолютизируется), а династический кризис в ВКЛ и попытки преодолеть его с помощью Польши. В то же время объединенные Кревской унией Польша и Литва стали сильной державой, которая одержала победу на Грюнвальдском поле. Для достижения этой победы уния была обязательным условием. Представляется, что данная оценка является единственно верной.

Поскольку христианскую миссию в Литве брала на себя Польша, уния стала, по выражению М. Ючаса, «катастрофой для Ордена». Это событие объединило польско-орденские и литовско-орденские отношения в общий вектор и сделало невозможным для Ордена продолжение игры на польско-литовских противоречиях. С этого времени разрешение территориальных претензий было возможно только вооруженным способом.

Говоря о подготовке союзников к войне, М. Ючас рассматривает внешнеполитические (заключение мира с Москвой, обеспечение нейтралитета со стороны Ливонии) и дипломатические акции (обращение к арбитражу Люксембургов — императора Вацлава IV Чешского и Сигизмунда Венгерского, письма к европейским монархам, содержащие обвинения в адрес Ордена). Несмотря на все усилия, союзники остались в изоляции.

Центральным сюжетом монографии является раздел «Военный поход от Вильно и Вольбожа до Мариенбурга», посвященный событиям Великой войны и в их числе Грюнвальдской битве. В нем рассматриваются самые спорные сюжеты: кому принадлежала главная роль в руководстве сражением, было ли отступление литовских войск бегством или тактическим приемом, чем объяснить медлительную тактику Ягайло. Изложение сводится к критике известий Я. Длугоша, который решающую роль отводил польским войскам, и полемике с С. М. Кучиньским, который считает, что героический образ Витовта без достаточных оснований создан Х. Сенкевичем и Я. Матейко. Впрочем, так считает большинство польских историков. В качестве контраргумента М. Ючас приводит сведения Хроники Быховца о том, что польские войска только наблюдали за битвой.

Выводы М. Ючаса по этому сюжету вполне объективны. Он считает, что Ягайло уже в силу своего статуса, как король Польши, исполнял не только высшие политические, но и военные функции. Витовт являлся его помощником, командующим не только литовскими, но всеми союзным войсками и был «образцом воина на Грюнвальдском поле». Командование польскими отрядами Ягайло поручил Зындраму Машковецкому, который возглавлял Краковскую хоругвь. Что касается отступления литовских войск в начале сражения, то автор уделяет большое внимание критике сведений Я. Длугоша, который с явным удовлетворением характеризует его как позорное бегство. Другие значимые источники (Хроника конфликта) не содержат убедительных данных о его причинах и характере. Поэтому доводы как польской, так и литовской историографии не бесспорны и носят гипотетический характер. М. Ючас одним из первых высказал мнение о том, что действия литовских войск были продуманными и привели к нарушению боевого порядка в войске крестоносцев. Это предположение представляется верным. Косвенно его подтверждает письмо, найденное и опубликованное немецким историком С. Экдалем.

Анонимный автор обращается к магистру Ордена с советом: в будущих битвах соблюдать дисциплину, строго сохранять боевые порядки, даже в тех случаях, когда враг предпримет притворное отступление [6, с. 229]. Уместно вспомнить, что в составе войск Витовта были и татары (отряд во главе с Джелал-ад Дином), у которых имитация бегства являлась распространенным тактическим приемом, о чем Витовт хорошо знал. Маневр войск Витовта, осуществленный с санкции короля, М. Ючас называет решающим для результата битвы и этим объясняет выжидательную позицию Ягайло. Однако, по мнению С. Экдаля, напрямую связать литовское отступление с инициативой татар было бы непростительным соблазном. Поэтому окончательные выводы были бы преждевременными. Возможно, источниковая база не исчерпана, а научная разработка и публикация новых документов позволит более объективно реконструировать ход битвы.

В следующих разделах М. Ючас рассматривает дальнейшие события Великой войны, в частности поход на Мариенбург. В их оценках он целиком следует за Я. Длугошем, который осуждает Ягайло, обвиняя его в медлительности, имевшей крайне негативные последствия для дальнейших действий союзников. Неприступную крепость можно было взять только неожиданным нападением, пользуясь растерянностью крестоносцев. Поскольку такая возможность была упущена, оставалось только заключение мира.

Триумфальная победа при Грюнвальде не привела к победоносному завершению войны. Орденское государство сохранилось. В этом часть историков, начиная с Я. Длугоша, обвиняют Витовта, который увел свои войска из-под Мариенбурга, ссылаясь на болез-

ни и нехватку корма для скота. М. Ючас утверждает, что уход Витовта был согласован с Ягайло, к тому же Литве угрожала нарушившая перемирие Ливония, и другого выхода у Витовта не было. Можно согласиться с тем, что действия Витовта не являлись изменой и были согласованы. Однако представляется, что однозначная оценка сомнительна. Следует учитывать, что у великого литовского князя были собственные политические интересы, которые сводились к сохранению суверенитета его державы. Именно поэтому Витовт не был заинтересован в полном уничтожении Ордена. Он стремился к тому, чтобы сохранить его как политическую структуру, за которой стояла Империя, использовать как рычаг управления унитарным процессом и как приспособление для нажима на Польшу. Его политика принесла реальные результаты в 1413 г. при подписании Городельской унии. С одной стороны, уния являлась демонстрацией политического и военного единства союзников, с другой — зафиксировала соглашение двух равноправных государств, что в принципе отрицало инкорпорацию.

Целью западной политики Витовта было возвращение Жемайтии, что осуществилось по условиям Мельненского мира после успешной Голубской войны (1422). Это была последняя война с Орденом, в которой принимало участие ВКЛ. Тринадцатилетнюю войну (1454—1466) за возвращение Восточного Поморья Польша вела сама.

В заключительной части монографии («Rex Justus») М. Ючас рассматривает идеологическую борьбу в Европе после Грюнвальда. Орденская пропаганда сделала все, чтобы нивелировать результаты Великой войны, что удалось в практическом смысле. Однако в области идеологии Орден потерпел поражение. Решения Констанцского собора зафиксировали невозможность принудительного обращения в христианство, что отрицало деятельность Ордена как духовно-рыцарской структуры. Автор приводит интересный анализ трактата Павла Владковица в части агрессивных целей крестоносцев. Правота короля, признанная Констанцским собором, означала право европейских народов формировать и развивать национальные государства и отрицала право Империи и папства на тотальный контроль в христианском универсуме.

Научная дискуссия вокруг Грюнвальда продолжается. Ее двигателем являются этнополитические процессы в современной Европе, интерес к национальной истории, а также попытки ее переосмыслить с позиций сегодняшнего дня. Результатом этих тенденций и стало издание монографии литовского историка на белорусском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. В качестве аргумента достаточно привести посвященный Грюнвальду содержательный выпуск «ARCHE», 10 (97). Кастрычнік, 2010.

2. Главным «приватизатором» выступает господин Литвин, утверждающий, что «...одна из величайших битв средневековья, в которой решающую роль сыграли полки наших предков, “разобрана” на части современными поляками, литовцами и русскими». В действительности это «победа белорусов и поляков». (*Литвин И.* Затерянный мир, или Малоизвестные страницы белорусской истории. Минск, 2008.)

3. *Гагуа, Р.* Крыніцы для даследавання Грунвальдскай бітвы і Вялікай вайны ВКЛ і Польшчы супраць Тэўтонскага ордэну (1409—1411 гг.) / Р. Гагуа // ARCHE», 10 (97). Кастрычнік, 2010. С. 156—200; *Его же*. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии // Беларуская думка. № 8, 2010. С. 58—67; *Его же*. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410». Пинск, 2009.

4. *Мечысловас, Ючас*. Грунвальдская бітва / Ючас Мечысловас. Вільня : Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства. 2010. С. 12.

5. *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Петр из Дусбурга. М., 1997.

6. *Свен, Экдаль*. Уцёкі літвінаў у бітве пад Грунвальдам / Экдаль Свен // ARCHE» 10 (97). Кастрычнік, 2010.

7. *Урбан, В.* Тевтонский орден / В. Урбан. М., 2007.

8. *Wapowski, B.* Dzije Korony Polskiej i Wielkiego Ksi stwa Litewskiego / B. Wapowski. Wilno. T. 1—3. 1847—1848.

Л. Л. Михайловская, доцент кафедры истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук